

Станищук Николай Юрьевич

СОЦИАЛ-МОНАРХИЗМ: ГЕНЕЗИС И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

В статье раскрываются генезис и теоретическое основание одного из направлений монархической теории - социал-монархизма. Автор приходит к выводу, что формирование социал-монархического направления происходило параллельно в Западной Европе и России, однако основания, на которых строились теории, оставались различными. Особое внимание автор уделил процессу институционализации социал-монархизма в русской среде зарубежья, исследовав основные социал-монархические организации и философско-теоретические построения виднейших авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 185-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON LOCAL COURT REFORM IN 1912

Sorokin Aleksandr Anatol'evich*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
skaliger1989@yandex.ru*

The article is devoted to the historiography of the local court reform in the Russian Empire in 1912. The main directions in the study of the reform that have formed by the present time are indicated. It is stated that most of studies on the reform are of historical and legal nature. Well-studied issues include problems concerning the reasons of the reform and the nature of the law – “On the Transformation of the Local Court”. The issues of the reform discussion in the press and publicistic writings are poorly studied. The course of the law implementation at local level in 1912 is not studied as well. There is no fundamental research covering the whole range of problems in the study of the court reform in 1912.

Key words and phrases: State Duma; law – “On the Transformation of the Local Court” of 1912; modern historiography; P. A. Stolypin; local court reform.

УДК 329.21

Политология

В статье раскрываются генезис и теоретическое основание одного из направлений монархической теории – социал-монархизма. Автор приходит к выводу, что формирование социал-монархического направления произошло параллельно в Западной Европе и России, однако основания, на которых строились теории, оставались различными. Особое внимание автор уделил процессу институционализации социал-монархизма в русской среде зарубежья, исследовав основные социал-монархические организации и философско-теоретические построения виднейших авторов.

Ключевые слова и фразы: монархизм; социализм; русское зарубежье; эмиграция; консерватизм.

Станищук Николай Юрьевич*Тюменский государственный университет
nikolaus.stanischuk@gmail.com***СОЦИАЛ-МОНАРХИЗМ: ГЕНЕЗИС И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ[©]**

Политическая философия в течение своего существования была неразрывно связана с поисками наилучшей формы правления, что привело к формулированию множества теорий, пытающихся объяснить суть тех или иных форм правления, этапы их развития и закономерности переходов одной в другую. Одну из первых и наиболее полных классификаций дал Аристотель, разделивший формы: 1) по отношению к общему благу на правильные и неправильные и 2) по количеству правящих – на монархию/тиранию, аристократию/олигархию, политию/демократию [1, с. 187-188]. Многие мыслители в последующем основывали свои теоретические построения на концепции Аристотеля.

Для нашего исследования важны построения Жана Бодена, который предложил свой подход к поставленной проблеме, и указал, что для анализа государства как института, не так важны отношения последнего со своими подданными, как ответ на вопрос: «кому в действительности принадлежит власть?», т.е. сконцентрировался на второй части теории Аристотеля. Исходя из теории Бодена, существует лишь три чистых формы государственного правления: 1) монархия, 2) аристократия, 3) демократия, которые, ни в коем случае, не могут перемешиваться или создавать гибриды типа «политии». Соответственно у французского философа получилось создать методологию, позволяющую осуществить более детальный анализ рассматриваемого феномена. Её развитие привело к созданию разнообразных концепций монархизма, которые мы можем сгруппировать по направлениям: 1) самодержавный монархизм, 2) абсолютистский монархизм, 3) конституционный монархизм, 4) социал-монархизм (интересной особенностью является тот факт, что 1 и 4 направления получили наибольшее развитие в русской монархической теории, а 2 и 3 – в европейской).

С ростом количества монархических организаций и увеличением их попыток влиять на принятие политических решений (например, путем участия в выборном процессе), растет и актуальность исследований направленных на анализ самой монархической теории. Такой анализ позволит структурировать монархическую теорию, что даст возможность проанализировать современное монархическое движение и создать рабочую модель. Практическая значимость, вытекающая отсюда, заключается в более глубоком понимании современного монархического движения, процессов происходящих в нем и его потенциала.

Данная работа посвящена анализу 4-го направления монархической теории – социал-монархизму, с целью выявления основных отличительных черт развития, которые помогли бы маркировать особенности генезиса и определить концептуальную составляющую его в рамках Российской и Европейской монархических теорий.

В Российской монархической теории фундамент социал-монархической концепции был заложен К. Н. Леонтьевым, который называл этот феномен «охранительный социализм», с его точки зрения, как пишет исследователь Р. А. Гоголев, «будущее России неразрывно связано с двумя составляющими: Православным Царём и социализмом» [2, с. 218]. При этом философ своеобразно понимал социализм, он считал, что социализм ведет не к свободе и равенству, а к жесткому расслоению и «новому рабству», что им, впрочем, воспринималось позитивно [7].

Структурировал взгляды К. Н. Леонтьева на рассматриваемую проблему исследователь С. М. Сергеев, он выделил следующие черты социал-монархизма: 1) неограниченная монархия; 2) служилая аристократия, обладающая широкими привилегиями; 3) сословно-корпоративный строй; 4) неотчуждаемая от владельцев земля; 5) государственное вмешательство в экономику для обеспечения относительной социальной справедливости [8].

Идея «охранительного социализма» сильно опередила своё время и не была оценена современниками по достоинству, однако, ситуация изменилась с победой большевизма в Гражданской войне. Часть эмиграции, сформировавшая новое политическое движение – партию «Союз –Молодая Россия», лидером которой был избран А. Л. Казем-Бек, – пытаясь осмыслить случившуюся катастрофу, пришла к выводу, что социалистическая система имеет ряд положительных черт, и, в общем, в той или иной мере, характерна для России. В то же самое время для России также исторически свойственна и монархия. В сложившейся политической реальности концепция К. Н. Леонтьева представляла собой тот идеологический фундамент, в котором нуждалось новое движение. Однако теоретические размышления философа не могли полностью удовлетворить потребности нового движения, нуждавшегося в практических решениях, базирующихся на политической реальности. В этой связи младороссами была проведена переоценка значимости идеи «охранительного социализма», что привело их к формированию собственной концепции социал-монархизма.

Политическая реальность требовала создания четкой идеологии, совмещавшей в себе практику как царской, так и советской России. Для достижения поставленной цели им необходимо было найти основные символы, которые могли бы сочетаться в рамках одного идеологического концепта. Так, исследователь А. Н. Закатов пишет: «Младороссам был необходим легитимный символ, историческое знамя, под которым они могли бы разворачивать свою программу» [3], и таким символом стал дом Романовых. В качестве символа со стороны новой российской реальности была взята идея советов, как непарламентского представительного органа. Исходя из этого, главным лозунгом младороссов становится – «За Царя и Советы».

Своё виденье будущей России Казем-Бек вывел в следующих формулах: «Государство должно быть исключительно мощным, исключительно организованным, предельно простым, т.е. органическим, безупречно беспристрастным, надгрупповым, надпартийным, надклассовым, надсословным, а в России даже – наднациональным»; «Роль Монарха полностью выражается в нескольких словах: множественность, преломляясь в личности, создает единство» [цит. по: Там же]. Свою деятельность «Союз –Молодая Россия» закончил в 1942 году, когда его лидер Казем-Бек официально объявил о роспуске движения, дабы предоставить всем членам свободу выразить свою патриотическую позицию [5].

Европейская монархическая теория к началу XX-го века выработала своё направление социал-монархизма, в первую очередь, благодаря работам таких немецких авторов как: Л. фон Штейн – немецкий консерватор, один из основоположников учения о социальном государстве и Ф. Науман – немецкий либерал-консерватор.

Живя и трудясь в эпоху правления Вильгельма I и придерживаясь консервативных взглядов, Л. фон Штейн предложил своеобразную концепцию социальной монархии, которая впоследствии была развита немецкой консервативной философией. Согласно Штейну, в буржуазном обществе нарастают противоречия, которые необходимо решить для предотвращения революции. По мнению автора, все неимущие классы с помощью государственной власти должны «изменить своё зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное» [11, с. 281]. Он связывал социальное реформирование с политикой, путем создания такого государственного устройства, которое бы сглаживало основные противоречия и стояло бы выше капитала и труда. Основными задачами нового строя стали бы: 1) устранение препон на пути свободного межклассового движения; 2) забота об «общественной нужде»; 3) помощь труду, не обладающему капиталом, в приобретении оно, с помощью средств государственного стимулирования и финансирования [12, с. 537].

По мнению Л. фон Штейна, единственным гарантом справедливости может являться только государство, и тем самым оно «возвышается над всеми остальными общественными институтами и интересами» [11, с. 95]. При этом государство должно способствовать социально-экономическому прогрессу всех своих граждан [10, с. 89]. Поддерживая идею Гегеля о трех ветвях власти – княжеской, законодательной и правительственной, Лоренц фон Штейн считал так же, что народ должен органически участвовать в образовании государственной воли. Однако это участие «означает не народное представительство, а максимальный учет интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики. Только такое участие народа не будет подрывать самостоятельность государственной власти» [11, с. 280]. И, соответственно, отличительным признаком именно социального государства является не сама забота о человеке, а факт признания государством заботы как обязанности перед подданными.

Исследователь Л. Н. Кочеткова в статье, посвященной теории социального государства Штейна, пишет, что согласно этой теории, государство получило новые функции, каковыми стали:

1) ограничительная функция, «с помощью которой решаются такие задачи, как ограничение монополизации, регламентация трудовых отношений, регулирование экономики, концентрация средств на социальные программы и нужды»;

2) обеспечительная функция, «решающая задачи социального страхования, социального обеспечения, предоставления возможностей для получения образования и медицинского обслуживания»;

3) гарантирующая функция. «Давая гарантии и закрепляя их на конституционном уровне <...>, государство, по сути, становится должником человека, предоставляя ему право не просто получать помощь от государства, а получать её гарантированно» [4, с. 78].

Можно сказать, что теория, предложенная Штейном, рассматривает новое, современное государство, конечно относительно времени написания работ, которое должно отвечать на вызовы времени, при этом сохраняя историческую преемственность. Сочетание государственного регулирования, надклассового характера и общего блага создали концепт социальной монархии.

Вслед за Л. фон Штейном, развивал концепцию социального государства и социальной монархии Фридрих Науман. В своей работе «Demokratie und Kaisertum» он предложил особое видение сочетания монархии и социализма. Автор считал, что «император – воплощение общей национальной воли, своё право он основывает на том, что нация нуждается в нём и что войско в его руках» [6, с. 224]. Так как император это воплощение общей национальной воли, полагает автор, то и суверенитет он получает от народа, для служения общему делу, а значит, prerogative императора демократичны по своей сути и социальны. Как и К. Н. Леонтьев, Ф. Науман считал, что монарх является оплотом рабочего движения, потому что немецкие кайзеры, в своё время, отстранили всю феодально-аграрную элиту и привели к власти буржуазию, которая черпает свою силу в народном представительстве.

По его мнению, это привело к тому, что «Германская империя приобрела три основания своего могущества: 1) монархическое, в лице императора; 2) аристократическое, в лице крупных промышленников и 3) демократическое, в лице пролетариата» [Там же, с. 281]. Ф. Науман также считал, что «император руководит нацией в качестве диктатора промышленности. Действуя же так, он нуждается в массе, в демократии» [Там же, с. 289]. Соответственно такое государство постепенно эволюционирует в социальную империю, где монарх может опереться на социальные и либеральные части общества.

Проанализировав социал-монархические концепции Запада и России, мы пришли к выводам, что социал-монархизм в России возник на почве развития теории самодержавия, и, вследствие чего, обрел свои характерные черты, заключающиеся, в первую очередь, в полномочиях, отводимых монарху, и степени интеграции социализма в государственную систему. Характерной чертой российского социал-монархизма является то, что монарх обладает неограниченными государственными полномочиями и свободен от внешних обязательств, в том числе и перед населением. Такое положение ставит его над всеми основными группами населения, создавая предпосылки для принятия решений в пользу малоимущих слоёв. По мнению российских идеологов социал-монархизма, именно это позволило бы монарху взять руководство социальным движением в свои руки и создать новый строй.

Европейская социал-монархическая концепция, в отличие от российской, берет своё начало в конституционализме, и сразу постулирует зависимое положение монарха, которое закрепляется в рамках конституции. Таким образом, создается ситуация, когда монарх включается в конкретную социальную группу и воплощает собой её главенствующее положение в государстве. Характерной чертой концепции является то, что она строилась на основе восприятия монарха, как главного чиновника, зависимого от реального суверена – буржуазии.

Таким образом, становится понятно, что принципы, положенные в основание формирования концепций, критически влияют на весь генезис направления. Создав, таким образом, при небольшом сходстве друг с другом, два онтологически и ценностно разные направления. Для более детального анализа концепций и прогнозирования теоретико-практического потенциала необходимо провести отдельное исследование и сравнение практического воплощения обеих концепций в современном мире. Данное исследование будет проведено в рамках наших последующих работ.

Список литературы

1. **Аристотель.** Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010. 592 с.
2. **Гоголев Р. А.** Русский Иеремия (эсхатологические представления К. Н. Леонтьева) // Эсхатологический сборник. СПб.: Алетейя, 2006. С. 203-223.
3. **Закатов А. Н.** «Царь и советы»: Младоросская партия в истории русской эмиграции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/311/45095.php> (дата обращения: 25.06.2014).
4. **Кочеткова Л. Н.** Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3 (51). С. 69-79.
5. **Младороссы** [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Младороссы> (дата обращения: 27.06.2014).
6. **Науман Ф.** Демократия и императорская власть. М.: Изд-во В. М. Саблина, 1907.
7. **Репников А. В.** Славянский царь (Леонтьев, Тихомиров и социализм) [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/history/35496.php?ELEMENT_ID=35496&PAGEN_1=2 (дата обращения: 28.06.2014).
8. **Сергеев С. М.** «Окончательное смещение» или «новое созидание»? Проблема социализма в мировоззрении К. Н. Леонтьева [Электронный ресурс]. URL: http://knleontiev.narod.ru/about/sergeev_socialism.htm (дата обращения: 28.06.2014).
9. **Серегин А. В.** Теоретические проблемы монархической формы правления: дисс. ... к.ю.н. Ростов н/Д, 2003. 195 с.
10. **Тавадова А. В.** Развитие концепции социального государства и его модели // Перспективы науки. 2011. № 26. С. 86-97.
11. **Штейн Л. фон.** История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.
12. **Штейн Л. фон.** Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. XIV+594+X с.

SOCIAL-MONARCHISM: GENESIS AND INSTITUTIONALIZATION

Stanishchuk Nikolai Yur'evich

Tyumen State University

nikolaus.stanischuk@gmail.com

The article reveals the genesis and theoretical basis of one of the directions of monarchical theory – social-monarchism. The author concludes that the formation of social-monarchical direction occurred in parallel in Western Europe and Russia, but the foundations, on which the theories were formed, remained different, and pays particular attention to the process of the institutionalization of social-monarchism in the Russian medium abroad having studied the major social-monarchical organizations, the philosophical and theoretical constructs of the most prominent authors.

Key words and phrases: monarchism; socialism; the Russian abroad; emigration; conservatism.

УДК 94(470.64).084.9

Исторические науки и археология

Рассматриваются особенности религиозных процессов в Кабардинской АССР в период религиозной «оттепели» 1944-1954 гг. Указываются причины, обусловившие резкий поворот государственной религиозной политики в сторону нормализации взаимоотношений со служителями культа и верующими. На основе архивных материалов анализируется формирование ряда тенденций, определивших особенности религиозной жизни в республике в последующие десятилетия.

Ключевые слова и фразы: религия; атеизм; республика; служители культа; религиозная «оттепель»; пропаганда.

Такова Александра Николаевна, к.и.н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

sanatakova@yandex.ru

РЕАЛИИ РЕЛИГИОЗНОЙ «ОТТЕПЕЛИ» В КАБАРДИНСКОЙ АССР (1944-1954 ГГ.)[©]

В годы Великой Отечественной войны произошли заметные изменения политики государства в отношении религии. В результате в исторической науке стал использоваться термин «религиозная оттепель», под которым понимается период с 1944 по 1954 гг., когда имела место нормализация взаимоотношений государства с религиозными организациями, служителями культа, верующими. Период религиозной «оттепели» имел свои особенности в различных субъектах страны. В данной статье рассматриваются его особенности в Кабардинской АССР¹ – одной из национальных республик РСФСР.

Верхней хронологической точкой периода религиозной «оттепели» является 19 ноября 1944 г. – принятие Постановления СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» – документа, обличившего общегосударственные изменения в религиозной политике в юридическую форму. Именно данное постановление послужило толчком к началу официальной регистрации религиозных обществ, культовых зданий, а также лиц, исполнявших требы верующих. Так, в 1945-1946 гг. в КАССР были зарегистрированы 9 мусульманских общин и мечетей (открыты осенью 1942 г. в период немецкой оккупации территории республики), общество иудейского вероисповедания в г. Нальчике, молитвенный дом евангельских христиан-баптистов [8, д. 21, л. 7], а также 11 православных церквей и молитвенных домов [Там же, д. 2448, л. 4]. В итоге, по состоянию на конец 1946 г. на территории Кабардинской АССР всего действовало 26 религиозных общин. Нижняя точка периода религиозной «оттепели» связана с приходом к власти Н. С. Хрущева, в годы правления которого линия на нормализацию отношений между государством и религиозными объединениями была упразднена. Данный поворот нашел свое законодательное выражение в серии нормативно-правовых актов, главным из которых являлось Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению» от 7 июля 1954 г., давшее толчок к новому витку атеистической работы в стране, в полной мере развившемуся после XX съезда КПСС. К этому времени относится период последнего крупного обострения отношений Советского государства с Церковью [3, с. 169].

Не слишком впечатляющее количество религиозных общин, официально зарегистрированных в республике, однако, является значительным по сравнению с реалиями предвоенного времени, когда, исходя из архивных документов, в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной официально действующей мечети [8, д. 110, л. 148].

Для понимания особенностей периода религиозной «оттепели» в республике следует отметить причины, обусловившие столь резкий поворот государства в религиозной политике:

1) реакция на действия фашистских войск и немецкую пропаганду. Как известно, политика немецкого военного командования на оккупированных территориях была дифференцирована в зависимости от того, какого региона СССР она касалась. В частности, на Северном Кавказе проводилась относительно гибкая политика в отношении национальных и религиозных обычаев с целью обеспечения лояльности местного

[©] Такова А. Н., 2014

¹ КАССР – Кабардинская автономная советская социалистическая республика, существовала с 1944 по 1957 гг., в период депортации балкарского народа. С 1957 по 1991 гг. – КБАССР, с 1991 по настоящее время – КБР.